

Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «...жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно...». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды...».

Однажды ночью

Я родилась и выросла в небольшом городке, где все всё знали друг о друге, а если чего не знали, то додумывали. Ребятишки нашего двора гуляли вместе, бегали в ближайший гастроном за молоком и хлебом, ходили в кинотеатр, праздновали дни рождения. Дома у нас собирались компании. Соседи ходили в гости к нам, мы к ним. Мои родители поженились сразу после окончания института. Они учились вместе, только на разных факультетах. Мама рассказывала, что влюбила в себя папу, он утверждал обратное. Главное, что в этом споре побеждала любовь.

Мне казалось, так будет всегда. Но однажды, когда я училась в 6 классе, все изменилось. Увидев собранные чемоданы, я подумала, что у нас начинается незапланированный отпуск. Но когда увидела заплаканную маму, поняла: случилась беда. Мама грубо приказала мне собрать вещи и сообщила, что мы переезжаем к бабушке в деревню. После моего вопроса о папе, мама превратилась в разъяренного зверя. Она закричала, что отец для нас умер. Не понимая в чем дело, я стала плакать, умоляла объяснить, что в конце концов происходит. Мама ответила, что у папы появилась другая женщина. Я не могла поверить в это, но, увидев состояние мамы, не стала с ней спорить. Молча пошла в свою комнату исполнять приказание. Из зала я услышала, как мама сказала, что мы никогда сюда не вернемся.

Собрав вещи, я решила снять со стены фотографии любимых индийских киноактеров. С криком: «Все мужики сволочи!» – мама выхватила из моих рук фото, добытые с таким трудом, и порвала на мелкие кусочки. Я видела, как маме больно, но не понимала, почему больно нужно было делать мне.

С того самого дня моя жизнь разделилась на «до» и «после». Папа, конечно, пытался вернуть маму. Целый месяц он ездил в деревню, объяснял, что его оклеветали. Но мама стояла на своем и не собиралась его слушать.

Те времена я вспоминаю с болью в сердце. Скандалы, проклятия, ненависть – всем этим был наполнен наш мир. После очередной вспышки гнева мама запретила мне встречаться с отцом. Мне было очень больно, ведь я любила их обоих. Я все время пыталась об этом говорить, но вызывала у матери очередной приступ истерики.

Когда я крикнула, что все равно буду любить отца и встречаться с ним, когда захочу, мать влепила мне пощечину и назвала мерзавкой. После чего я проплакала всю ночь. Бабушка пыталась меня успокоить, но мама была неистова в своем гневе. Она запретила бабушке подходить ко мне. При нарушении этого запрета мама пригрозила, что и бабушку будет считать предателем. Мама то впадала в отчаяние, круша все в доме, то в депрессию, рыдая сутками. Я не знала, как себя вести. От любимой теплой заботливой мамы ничего не осталось. Она резко похудела. Стала носить какие-то обноски и больше не улыбалась. Полгода мы с бабушкой старались реже показываться маме на глаза, занимаясь работой то в огороде, то в летней кухне, а по осени я вместе с бабушкой стала посещать народный хор. «Божьи одуванчики» (подруги бабушки), которые пели в хоре, меня очень любили. Угощали пирогами, научили вязать крючком, приводили мою душу в порядок. Больше всех обо мне заботилась не моя родная бабушка, а солистка хора баба Гаша (полное имя Агафья). Высокая румяная женщина лет шестидесяти пяти. Она не носила платков, была очень ухоженной. Ее красивые пальцы выдавали в ней аристократку. В деревне она всю жизнь до пенсии заведовала библиотекой, была очень начитанным и невероятно интересным человеком. Видя в очередной раз мои заплаканные глаза, она крепко прижимала меня к себе и что-то шептала. Не знаю почему, но боль в душе отступала, и мне становилось легче. Высшие силы не дали ей детей, да и личная жизнь сложилась трагично: в тридцать шесть лет она стала вдовой и больше никогда не была замужем. Вечерами мы часто разговаривали. Она умела наполнить мою душу светом и теплом. Баба Гаша говорила, что нужно простить и мать, и отца. Она объясняла, что обиды разрушают сердце, лишают человека счастья. Чем больше мне хотелось в это верить, тем изощренней обижала меня мама. Иногда от злости она просто щипала меня, оставляя желто-зеленые круги на руках и ногах. Причем я видела, что это доставляло ей удовольствие. Иногда мама заставляла меня играть в шахматы, которые я ненавидела. Бабушка все видела, но никогда не заступалась за меня. Просто качала головой, вздыхала и уходила в другую комнату.

Как ни странно, самым родным человеком в этот период моей жизни была только баба Гаша. Она любила рассказывать разные истории, веселить меня, учила готовить самые простые блюда.

Однажды она подарила мне брошку. Хотя это украшение было из пластмассы молочного цвета, оно все равно стало самым дорогим подарком всей моей девичьей жизни. Брошь была овальной формы с профилем красивой девушки, на шее которой сверкала нить бусиков из маленьких стеклянных камешков.

Шло время. Оно должно было залечивать раны, но не для мамы. Она, конечно, перестала меня истязать как раньше, перестала будить посреди ночи, требуя клятву, что я забуду отца, но любое упоминание о мужчинах – будь то актеры, певцы, телеведущие – вызывало у нее дикую агрессию.

Потом наступило время, когда все стали креститься. У нас в деревне появился батюшка, который за год смог построить небольшую бревенчатую, но очень уютную церковь. Мама была против моего крещения, поскольку и батюшку подозревала в самых грязных грехах. Крестилась я тайно, моей крестной стала баба Гаша. Так с этим человеком мы стали еще роднее.

По выходным я ходила на церковные службы, дома говорила, что хожу на дополнительные занятия по математике. В церкви мне было очень хорошо. Свет, который пронизывал окна, придавал алтарю какой-то волшебный образ. Я не могла насытиться ароматами, которые кружили вокруг. Однажды я предложила маме сходить вместе со мной, чем вызвала у нее какой-то дикий смех. Это была наша последняя попытка сблизиться. Все остальное время до окончания школы наше общение заключалось в дежурных фразах либо в молчании за столом.

Окончив школу, я поступила в педагогический институт города, в котором жил мой отец. Мама была в бешенстве. А когда узнала, что я собираюсь жить и учиться в городе своего детства, спрятала мои документы и вещи.

В очередной раз я прибежала к бабе Гаше, и она решила вступить за меня. Решительно настроенная, она отправилась в дом бабушки, а меня попросила подождать

на улице. Будучи любопытной от природы, я устроилась на улице около открытого окна, чтобы услышать свою защитницу. Баба Гаша вошла в дом, и мама с порога стала кричать, чтобы та вышла вон. Мама злобно накинулась с обвинениями, что баба Гаша настраивает меня против нее – родной матери, а поступление в институт было организовано нами назло, и все в таком духе. Я затаила дыхание, подумала, что баба Гаша сдастся и после таких обидных слов уйдет. Но я ошиблась. Моя крестная мать подошла к моей родной матери, схватила ее за грудки и сказала, что не позволит ломать мне жизнь. Я никогда прежде не думала, что баба Гаша способна на такой резкий поступок. Больше мать не спорила, она называла мою спасительницу ведьмой, но отступила. Однако и помогать мне отказалась.

Так начался следующий интересный этап в моей жизни, полный новых встреч, знакомств и надежды на счастливую жизнь. В деревню я не приезжала, баба Гаша навещала меня сама. Привозила свои знаменитые пироги, рассказывала деревенские новости. Мать не интересовалась мной, а я – ею. Мне было странно ощущать себя сиротой при живых родителях, поэтому я решила найти отца.

По памяти я отыскала свой двор. В нем играли ребятишки, на лавочках у подъезда сидели старушки, все было как прежде, только семь лет спустя. Я пересчитала подъезды и, выбрав нужный, перешагнула его порог. Сердце мое выпрыгивало из груди. Каждая ступенька давалась с трудом. Дойдя до нашей квартиры, я еще несколько минут не могла решиться постучать. Набрав полные легкие воздуха, я сжала руку в кулак, и вдруг дверь открылась сама. От неожиданности я невольно отпрянула. В проеме двери стоял отец. Он пристально посмотрел на меня и стал говорить что-то невнятное. Я прислушалась и поняла, что он произнес мое имя. Лицо его было в шрамах, в руке он держал трость, говорил протяжно и очень тихо. Я обняла его первой. Он впустил меня в дом, где мы смогли поговорить. С трудом я поняла, что после последнего приезда в деревню он попал в автомобильную аварию, после которой стал глубоким инвалидом, именно поэтому не смог забрать меня к себе. У меня как будто прорвало плотину, первые пять минут я просто рыдала как девчонка, навзрыд. После того, как я немного успокоилась, рассказала как жила, теперь уже плакал мой папа. Когда первая волна эмоций схлынула, я все же решила задать ему главный вопрос, который мучил меня вот уже семь лет: почему он все разрушил? Отец рассказал, что у него на работе была женщина, которая мечтала быть женой молодого, перспективного мужчины. Главной помехой была моя мать, от которой она решила избавиться. Зная ревнивый нрав своей соперницы, эта женщина писала письма в наш дом о том, что у отца есть любовница, звонила маме на работу и предупреждала, что муж ее – кобель. Последней каплей был случай, когда мама по анонимному звонку пришла на работу к отцу и увидела, как эта женщина гладит ее мужа по плечу. Взрыв был неминуем. Объяснения, что разговоры об измене – это гнусная ложь, мать не трогали. Я сидела и слушала, как одна намеренная подлость развалила жизнь моей семьи, превратив мать в сумасшедшую истеричку, отца в инвалида, меня – в закомплексованного, одинокого

человека. После аварии женщина, естественно, не стала претендовать на место жены-сиделки и быстро нашла себе другую мишень, судя по всему, более удачную.

С отцом мы проговорили несколько часов, и он предложил переехать к нему, то есть вернуться домой. Он, как и я, устал от одиночества. На следующий день ужин мы готовили уже вместе. Через несколько дней к нам приехала баба Гаша. Тогда я была самым счастливым человеком. Может, это совпадение, может, положительные эмоции действительно дарят чудо, но после приезда бабы Гаши папа стал лучше говорить и почти не прикасался к трости.

Так мы прожили целый год. Баба Гаша была у нас частым гостем. Рядом с папой мне было тепло и хорошо. В своем дворе я встретила своих друзей детства, один из которых стал моей настоящей любовью. Все случилось как во сне: первый поцелуй, близость, забота и счастье. Отец с радостью благословил наш брак, мать прокричала, что все мужики – кобели, чем раньше я это пойму, тем быстрее выздоровею. На свадьбу она не приехала. Рядом со мной были отец, баба Гаша и моя любимая брошь.

Через неделю после свадьбы приехала моя одноклассница из деревенской школы, которую я заканчивала. Денег у нее было немного, поэтому она попросилась переночевать. Оставляя у отца незамужнюю молодую женщину было неудобно, я предложила остановиться в квартире, где жили мы с мужем. Отец попросил этого не делать, но его доводы были смешными, ведь мы с мужем любили друг друга и всего семь дней были женаты. Об измене не могло быть и речи. Но отец утверждал, что многие женщины очень коварны. Я только рассмеялась.

С вечера мы с подругой пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по комнатам. Прошедший день был утомительным, я быстро уснула, а проснувшись в два часа ночи, увидела, что мужа нет рядом. Быстро вскочив, я набросила халат и вышла в коридор. Свет в комнате, где должна была спать подруга, пробивался в коридор сквозь маленькую щелку. Я услышала голоса. Подруга говорила: «Давай еще раз, твоя жена ничего не узнает». «Нет, ответил муж, я не могу еще раз, да и неловко как-то, моя девочка будет против». Я онемела: боль, гнев, злость и досада захватили меня. В ушах пульсировала кровь. Я не знала, что делать: распахнуть дверь и застать любовников на месте преступления или уйти навсегда, не позорить себя разборками. Подруга не унималась: «Ну давай, у меня давно так не получалось». Мне стало еще хуже. Я вспомнила мать, израненную и несчастную, потом отца, ставшего заложником обстоятельств. А если отец мне наврал, просто решив наладить со мной отношения? А если все же его оболгали? Окончательно измучавшись, я все же решила узнать правду

и распахнула дверь этой порочной спальни...

Мой муж сидел в кресле, подруга – напротив на стуле, между ними стоял маленький журнальный столик, на котором лежала шахматная доска. От увиденного я остолбенела. Мой бледный вид перепугал игроков. Муж резко вскочил, стал расспрашивать, что со мной случилось. Я упала к нему на грудь и заплакала. Чтобы не обижать никого подозрениями, я соврала, что проснулась от страшного сна, хотя по сути это была правда. Он взял меня на руки и отнес в нашу спальню. Там он извинялся, что оставил меня одну, а потом извинялся за то, что играл в ненавистные мне шахматы. Я целовала его глаза, губы и благодарила Бога за то, что мой суженый шахматист, а не предатель. Но с тех пор ни одна женщина не оставалась ночевать в нашем доме, кроме бабы Гаши...

P.S.

Мама так и не простила отца. Ее сердце навсегда было ранено обидой. Годы одиночества окончательно свели ее с ума. Когда родился ее первый внук, она умерла. Заботясь о папе, я заметила, что он значительно похорошел и через год после смерти мамы нашел женщину, которая стала его спутницей до его последнего вздоха. Баба Гаша прожила долгую жизнь, согрев рядом многие души, успев помянуть моих сыновей. Как в любой семье, у нас бывают всякие моменты, но каждый раз я предпочитаю «распахнуть дверь» вместо глупых пустых обид и терзаний.

Ариша ЗИМА